

Моим родителям

Глава 1

Спрятаться под кучей пропитавшихся потом баскетбольных маек... Хуже некуда. Но либо это, либо нырнуть головой в мусорку. Уж лучше тут.

— Вот дерьмо! Ну и куда этот чмошник подевался?

Это Джаспер — соломенные волосы, метр восемьдесят живого веса, коровьи глаза, садистская улыбочка. Если он меня поймает, я получу кулаком в живот — а не в лицо, — чтобы следов не было видно. С ним Карло, его лучший друг, на голову ниже, но куда более вспыльчивый; ему нравятся «кровопускания». И когда речь идет о какой-нибудь пакости, этих двоих водой не разольешь. Потянув вбок одну из маек, я наблюдаю за тем, как они стоят в полумраке, решительно сжав челюсти.

Джаспер вертит в руках мою черную бейсболку с золотистым логотипом фильма «Kingsman». Этот придурок поймал ее на лету, когда я рванул по коридору, где они пытались меня зажать.

— Этот гаденыш небось в штаны наложил, — ржет Карло. — Зуб даю, смылся через окно.

— Он не мог вылезти через окно: на них решетки.

Я задерживаю дыхание, чтобы не выдать себя и не вдыхать больше жуткую вонь потных подмышек, которые побывали в этих майках. Стоит закашляться — и мне хана. В вытянутой клетушке, которая служит кладовой для спортивного инвентаря, почти ничего не видно. Никто не озаботился тем, чтобы поменять здесь перегоревшие лампочки, если только школа не экономит еще и на этом. Но сейчас мне это только на руку. У меня есть призрачный шанс выбраться отсюда, избежав взбучки.

Хриплый голос физрука гремит, заставляя врасплох двух озверевших садистов:

— Джаспер! Карло! Что вы там забыли, малолетние онанисты?

— Да идем, идем!

На меня падают еще две майки.

— И че ты будешь делать с его кепкой? — спрашивает Карло.

— Нассу в нее!

— Да иди ты!

Они смеются, а потом затягивают свою любимую песню:

— «Когда вновь увижу чудесный тот край!»

И это старшие классы... Они все сговорились, чтобы меня достать.

— «Где для влюбленных обещанный рай!»

В раздевалках начинают смеяться и другие, а к хору присоединяются новые голоса. Вообще-то,

эта мерзкая песенка забавляет всю школу. Она преследует меня с самого Рождества, когда по телику снова стали крутить эту жуткую дрянь — «Загорелых на лыжах». Меня даже спросили, не собираюсь ли я отрастить усы, чтобы еще больше походить на Жан-Клода Дюссе, которого в фильме сыграл Мишель Блан. Конечно, нельзя же не пошутить на тему моего преждевременного облысения — это же так смешно!

Я напряженно прислушиваюсь к шуму в коридоре. Раздевалка пустеет, но в целях предосторожности я жду, когда из нее наконец вообще все свалят, чтобы выбраться из своего укрытия. От меня воняет. Напряжение спадает, и я понемногу прихожу в себя.

Черт, моя бейсболка! Совсем новая, из лимитированной коллекции, я же ее только позавчера получил! И первый раз надел... Я пинаю кучу грязных маек, и она еще больше расплзается по полу.

В раздевалку я крадусь, прижимаясь к стене и проводя рукой по голове каждые десять секунд. Любой другой на моем месте стал бы убеждать себя в том, что ничего страшного не произошло, что это всего лишь бейсболка... Возможно, другой осмелился бы пожаловаться, чтобы ее ему вернули. Но когда мою тонзуру овеивает ветерок, я чувствую себя голым и совершенно теряюсь. Я нисколько не преувеличиваю, говоря, что облысение в семнадцать лет — это самое настоящее проклятие.

Я думал, что остался один в раздевалке. Зря. Физрук обходит ее, прежде чем закрыть дверь.

— Ты еще здесь, Маттео? — удивляется он.

Этот верзила свысока оглядывает меня с ног до головы. Мустафа Ассуи славится не только своим ростом и участием в соревнованиях по триатлону — он готовится еще и к следующему региональному чемпионату по джиу-джитсу. И он тщательно следит за тем, чтобы никто не расхищал школьный спортивный инвентарь. Я замираю, чувствуя, как его взгляд скользит по моей макушке. Я весь вымок, и она, должно быть, еще и блестит от пота. Не жизнь, а сказка.

— Все в порядке? — спрашивает он, прежде чем смущенно отвернуться.

Моим собеседникам всегда неловко, когда моя голова не покрыта. Слишком уж большой контраст между тонзурой и юным и гладким лицом. Добавьте к этой картине маслом еще и фамилию Лекюре. Иронично, правда?

— Почему ты без кепки?

О, он заметил. Если я все ему сейчас расскажу, господин Ассуи выловит Джаспера где-нибудь во дворе и заставит его вернуть мне ее. А мне очень хотелось бы этого избежать, чтобы не подливать масла в еще не погасший огонь. Когда мои родители отправились к директору ставить его в известность о том, что в прошлом году я стал жертвой травли, Джаспера на неделю отстранили от занятий. С тех пор все подуспокоилось. Этот debil перестал меня бить и уже не так сильно достает. И хотя он все еще заставляет меня стогать от стыда при любой удобной возможности, мне больше не при-

ходится прятаться, как несколько месяцев тому назад. Достаточно избегать его, и в целом с этим вполне можно жить. По крайней мере, можно было до сегодняшнего дня. У меня начинают трястись руки при мысли о том, что Джаспер снова принял за старое. Я как можно крепче сжимаю кулаки.

— Маттео? — настаивает учитель. — Да ты сам не свой. Если кто-то забрал у тебя твою...

Я моргаю, прежде чем очнуться.

— Нет, я просто ее куда-то дел, и пошел в туалет, и... забыл, куда положил. Она должна быть где-то здесь.

Господин Ассуй проглатывает эту ложь, потому что очень хочет поверить мне: так ему не придется вмешиваться в дела, в которые ему совсем не хочется совать свой нос. Он предлагает помочь, я отказываюсь. Мне противно его жалостливое сочувствие. Из-за всего того, через что я вынужден проходить, — из-за Джаспера, Карло и спасающихся бегством волос — мою гордость очень легко задеть. Наконец я смываюсь оттуда, делая вид, что опаздываю.

Уф! Никто не тронул мои вещи. Я на всякий случай запихал их под скамейку. Я очень осторожный парень. Быстро переодеваюсь и натягиваю капюшон толстовки на голову. В груди разливается облегчение, как только голая кожа скрывается под хлопковой тканью. Я стою совсем один в раздевалке, смотрю на свои изношенные кроссовки и чувствую, как на меня наваливается усталость. На грязную плитку пола падает безжалостный свет неоновых ламп — хотя и не такой безжалостный, как этот

мир. По крайней мере, я могу собраться с мыслями в тишине.

Я хотел бы убедить себя в том, что не совсем облажался. У Джаспера всего лишь моя бейсболка. Я не дал ему и пальцем себя тронуть. Маленькая победа. Будем надеяться, что мой заклятый враг выйдет из игры и не вернется к ней в понедельник. Но что-то я в этом сомневаюсь: картинка того, что только что произошло, до сих пор стоит перед глазами.

Я не только похож на Жан-Клода Дюссе, но еще и патологически неловок. Или незадачлив, не знаю. Например, если из-за протекающей крыши на баскетбольной площадке есть хоть одна лужица, я буду единственным, кто ее не заметит и поскользнется. Именно это со мной сегодня и произошло, как раз в тот момент, когда Джаспер бросил мне мяч. В итоге мяч прилетел мне в лицо, и я отправился в бреющий полет, в котором мне нет равных, вызвав взрыв смеха у своих одноклассников. Господин Ассуи, зная об истории наших отношений, тут же наказал этого идиота. А тот, пытаясь сказать хоть что-нибудь в свою защиту, не нашел ничего лучше, чем обвинить меня в том, что я упал специально.

Ну знаете ли. Насколько мне известно, мяч не сам по себе решил прилететь мне прямо в табло. А учитывая, как зол был Джаспер, я усомнился в том, что он на этом остановится. Я уклонился от оплеухи и задал стрекача. Не то чтобы я хвастался, но бегаю я быстро. В средней школе я занимался легкой атлетикой.

Жаль, что моя бейсболка угодила в грязные лапы Джаспера. Но, наверное, такова судьба: моя, например, просто обожает втыкать ножи мне в спину.

Впрочем, хватит это мусолить. Все не так уж плохо. В конце концов, никто не умер, как сказал бы мой отец.

— Маттео? Мне нужно закрывать спортзал.

Что ж, пора возвращаться в клетку со львами: час пробил. Но я, пожалуй, слишком сгущаю краски. В пять часов вечера в пятницу бóльшая часть учеников покидает школу в первые же несколько минут после уроков. И мне тоже стоило бы пойти на автобусную остановку и поехать домой, но я рискую встретить там Джаспера, а куда разумнее было бы отдалить нашу следующую встречу. К счастью, у нас всего один общий урок, последний на неделе, — и это физкультура.

Я решаю отправиться в библиотеку, ставшую моим любимым убежищем с тех пор, как я перестал выносить себе подобных. В отделе комиксов лежит куча огромных подушек, в которые я с удовольствием падаю. Здесь меня, по крайней мере, точно никто не побеспокоит. Ну или почти никто. Потому что в этот момент входит Сурая и от моей безмятежности не остается и следа.

Сурая для меня своего рода криптонит. Темная кожа, черты лица такие же мягкие, как ее улыбка, пухлые губы и огромные глаза, подведенные белым карандашом... Но что выделяет ее среди всех остальных, так это ее невероятные волосы. Я обожаю, когда они свободно лежат в прическе афро

и напоминают облако. Еще она заплетает их во всевозможные косы разной формы и толщины, свободные и тугие, и даже убирает их в «пучки», похожие на маленькие шарики на голове, — да, я ужасно любопытный и искал в интернете, как это все называется. Сейчас она носит «брейды», которые иногда собирает в хвост или пучок.

Само собой, моя избранница не обращает на меня внимания. Мы даже не знакомы. Она перешла в наш лицей в прошлом году и учится в другом классе. Несмотря на то, что мы ездим на одном автобусе, я не решаюсь к ней подойти, и на то есть множество причин. Во-первых, для нее я всего лишь «монашек Маттео». Моя слава летит впереди меня, и я могу нравиться примерно так же, как раздавленный слизняк на тротуаре. А во-вторых, с ней обычно ее лучшая подруга Анна София, с которой мы вместе играли еще в песочнице. И, к несчастью, в средней школе она меня возненавидела. Когда-то — когда у меня еще были волосы — я был вполне симпатичным; но, узнав, что она влюбилась в меня, я сказал своим приятелям, что никогда в жизни никуда не пойду с такой заучкой. Я был глуп и жесток. В сущности, я все еще жесток, особенно к самому себе. Может быть, однажды благодаря этому судьба смилуется надо мной, и у меня снова появятся друзья в этой школе. Мечтать не вредно!

Сурая усаживается за стол, не замечая меня — к моему огромному облегчению. Глянув на часы, я понимаю, что Джаспер должен был уже уехать. Я могу беспрепятственно вернуться домой. И поэ-

тому решаю уйти. Если я останусь, не смогу не пялиться на Сураю. А я не хочу, чтобы она решила, что я какой-то псих или извращенец, с меня хватает и того, что в школе со мной обращаются как с прокаженным. Однажды она неизбежно заметит мой интерес, потому что у людей есть шестое чувство: они всегда ощущают, когда на них кто-то смотрит. Но чем позже это произойдет, тем лучше.

Поэтому я неохотно ухожу, вцепившись в капюшон, чтобы его не сдуло ветром. Я решил поставить крест на своей личной жизни. Я ограничусь видеоиграми и YouPorn.